

ПРОЛОГ

Наверное, мне не стоило откликаться на то странное письмо. Совершенно точно не стоило... Но когда это я упускала возможность лишней раз наступить на грабли? Никогда. Вот и тем летним солнечным утром, вместо того чтобы перепутать окно с дверью или хотя бы споткнуться на пороге и, сломав ногу, отправиться в больницу, я благополучно спустилась в парадное и вытащила из почтового ящика длинный конверт из плотной бумаги с тисненой виньеткой по краю.

«Однако... кому это я понадобилась?» — промелькнуло в голове, пока я перечитывала собственное имя, о чудо, написанное без ошибок: «Секлетинье Ивановне Маравой, лично в руки».

Посасывая порезанный об острый край бумаги палец, я кое-как одной рукой вытащила послание и, развернувшись к мутному окошку подъезда, прочитала короткий текст:

«Уважаемая Секлетинья Ивановна. Ждем Вас сегодня к двум по адресу: Прошкин переулок, 17 по поводу вступления в права наследования имущества. С верностью, нотариальная контора «Вольф и партнеры».

Прошкин переулок я знала: как-никак уже несколько лет срезала через него дорогу на работу. Но вот никаких нотариальных контор мне там не попадалось. Впрочем, эту странность я быстро выбросила из головы. Сама ситуация выглядела куда «страньше», как говорила Алиса. Я выросла в детском доме, и, кроме высокой старухи,

считавшейся то ли троюродной теткой, то ли двоюродной бабкой, за двенадцать лет появившейся в комнате для посетителей раза три, родственников у меня не наблюдалось. Мне даже комнату в коммуналке от государства выделили как круглой и совершенно нищей сироте. И вот, поди ж ты, наследство.

Все еще размышляя, что за родственники у меня вдруг появились, я сама не заметила, как оказалась в Прошкином переулке. Только тут до меня дошло, что эта коротенькая улица с покосившимися двух- и трехэтажными домиками имеет вполне цивильное официальное название, а Прошкин переулок — что-то вроде неизвестно откуда взявшегося народного топонима. Если бы это дошло до меня еще дома, то я, скорее всего, никуда бы не пошла, но, уже добравшись до места, возвращаться не захотела. В надежде обнаружить паршивца-шутника, не пожалевшего денег на красивый конверт, лишь бы вытащить меня из дома в законный выходной, я, пытаясь от злости, потопала по булыжной мостовой в поисках нужного дома. Именно тогда и началась эта безумная история...

ГЛАВА 1

Добро пожаловать в...

Солнце весело играло бликами на завитушках бронзовой вывески, слепя глаза и мешая разобрать вычурные буквы. Я прищурилась: «Нотариальная контора «Вольф и партнеры». Основана...» Дату за особенно жирным солнечным зайчиком рассмотреть не удалось, но я и не слишком старалась. Все-таки несколько лет работаю в городском архиве и уже знакома с такими любителями истории. Кто-то разыскивал родовитых предков и ничуть не смущался, если выяснялось, что искомые «предки» не имеют никакого отношения к пытливому «потомку». А кто-то вроде владельцев этой конторы любил красивые даты на вывесках. Один из моих коллег получал приличную прибавку к зарплате, как раз собирая упоминания о кофейнях, ресторанах и прочих старинных предприятиях нашего города. А потом эти заведения внезапно возрождались из небытия шустрými дельцами. Так что солидному уточнению я придала не больше значения, чем одной из завитушек, окаймлявших кованую табличку, и толкнула тяжелую входную дверь.

Интерьер оказался сродни вывеске: массивная мебель под старину, высокие потолки с золоченой лепниной и застекленные шкафы, забитые толстыми книгами в кожаных переплетах. Мысленно прикинув, во что мог вылиться владельцам подобный антураж, я присвистнула и полезла в сумку за утренним письмом: не может быть, чтобы меня пригласили именно сюда.

Но адрес совпадал до последней буквы, и я наконец отлипла от резной створки двери и шагнула на пушистый кремовый ковер. И словно нажала на невидимый звонок. В противоположной стене распахнулся... шкаф. Нет, я ничего не перепутала и не сошла скоропостижно с ума. Большой книжный шкаф плавно очертил ножками полуокружность, впуская в пустынный холл сноп света, гул голосов и мужчину в костюме, за версту выдававшим в нем юриста. Только это племя носит такие отутюженные темные костюмы из матовой ткани, словно вопящие: «Моя цена как твоя зарплата за год! Не тебе со мной тягаться!»

Впрочем, стоило дядьке подойти ближе, как я поняла, что костюмом его сходство с адвокатом и заканчивается. Ростом под два метра, широкоплечий, с буйной гривой непослушных, чуть тронутых сединой волос, он напоминал бывшего спортсмена-тяжеловеса, в крайнем случае героя какого-нибудь боевика.

— Секлетинья Ивановна! — Здоровяк распахнул медвежьи объятия и пошел на меня. — А мы уж заждались!

Я попятилась, опешив от такого буйного приветствия, и будто задела очередную кнопку. Из-за портьеры в том месте, где, по моему пониманию, должно было бы находиться окно, мягко выдвинулся еще один атлет. Но если первый был тяжеловесом, то этот казался спринтером: узкое лицо с тонкими аристократическими чертами, волосы, отливающие медью, гладко зачесаны назад, и ко всему этому длинные пальцы пианиста. Но что-то мне подсказывало, что, приди ему в голову свернуть мне шею, это заняло бы у него едва ли не меньше времени, чем у громилы из шкафа.

— Не волнуйтесь, Секлетинья Ивановна, — вкрадчиво проговорил медноволосый, бесшумно подходя ближе. — Здесь вас никто не обидит: контора гарантирует. Простите, что вас не встретили, но мы должны были

убедиться, что вы... не преподнесете нам какой-нибудь неприятный сюрприз.

Пока я, убаюканная его тоном, хлопала глазами и пыталась сообразить, какой такой неприятный сюрприз могла бы устроить этим великанам скромная сотрудница архива весом пятьдесят два кило, меня мягко подхватили под локоть и повлекли к гостеприимно распахнутому шкафу.

— Прошу сюда, Секлетинья Ивановна, — продолжал ворковать мужчина, склонившись к моему уху. — Вы удивительно пунктуальны. И не обращайтесь внимания на господина Бера. Он у нас по хозяйственной, так сказать, части, а по наследству — это вам, в первую очередь, ко мне. Я — Фокс. Генри Фокс к вашим услугам. Прошу.

Он усадил меня в широкое кожаное кресло и предупредительно пододвинул небольшой столик.

— Чай? Кофе? Молоко? Или что-нибудь другое?

— Чай, наверное, — кое-как выдавила из себя я, во все глаза рассматривая хозяина огромного кабинета.

В том, что сидевший за столом здоровяк являлся именно хозяином, не возникало никаких сомнений. Это сквозило в каждом взгляде седого гиганта, в каждом движении, в каждом слове, небрежно роняемом в ответ на пространственные монологи его визави. А вот тот внушал скорее какую-то иррациональную гадливость. Совершенно лысый, стройный, как хлыст, он постоянно находился в движении, хотя ни разу не поднялся с места за то время, что я ждала обещанный чай. Мало того, он притягивал взгляд, как магнит.

— Секлетинья Ивановна! — послышалось сбоку, и я вдруг поняла, что не могу посмотреть куда-то еще, кроме этой узкой спины, обтянутой светлой тканью пиджака.

Боковым зрением я уловила какую-то тень, и секунду спустя передо мной вырос медноволосый, закрывая неприятного человека. Я со свистом втянула воздух,

словно не дышала все это время. Фокс с недоумением оглянулся через плечо и тут же расплылся в понимающей улыбке.

— Не волнуйтесь. Это господин Снейк. Он на всех производит такое впечатление. Я сам себя несколько неуверенно чувствую в его присутствии. Но это ни о чем не говорит. Милейший человек, милейший. Он у нас по кредитам и займам.

— Понятно, — машинально отозвалась я, хотя не понимала ровным счетом ничего.

— Ваш чай, Секлетинья Ивановна. — Он сел напротив, заботливо пододвинув кресло так, чтобы перекрыть мне вид на специалиста по кредитам.

Маневр я оценила и, с благодарностью кивнув, пригубила ароматный чай.

— Итак, давайте поговорим о вашем наследстве. — Фокс выложил на столик большую кожаную папку. — Уладим, так сказать, все формальности.

— Мне действительно оставили что-то в наследство?

Я наконец сумела выбросить из головы мысли о розыгрыше: ни у кого из моих знакомых не было денег на шуточки такого масштаба. На освободившееся место тут же полезли радужные мечты о ремонте в коммуналке, а может быть, чем черт не шутит, пока бог спит, и отдельной квартире.

— Разумеется, — снова улыбнулся рыжий. — Иначе мы бы с вами тут не сидели. Вы не поверите, но нам пришлось хорошо потрудиться, чтобы найти вас.

Я окинула взглядом богатое убранство кабинета, недорогие костюмы странных юристов, и в душе снова зашевелились подозрения.

— Разве найти меня такая проблема? Я ни от кого не прячусь.

— Вы — да. Но поиски в мире жив... людей не наша специализация. Пришлось спешно осваивать новое, вспоминать забытое старое...

Непонятные оговорки Фокса превратили смутные подозрения в реальное беспокойство.

— И что же мне такое завещали? — натужно рассмеялась я. — Надеюсь, не кредиты и займы?

— О нет, что вы. — Рыжий тоже отпустил смешок. Правда, получилось у него это куда натуральнее, чем у меня. — В отношении вашей собственности подобные сделки не рассматриваются. Индивидуальные особенности, так сказать. Но перейдем к делу. Если позволите, я буду говорить своими словами: специфические формулировки вряд ли будут вам понятны.

Я недоверчиво поморщилась.

— Потом вы сможете прочитать все сами, если у вас возникнет такое желание, — быстро добавил он, поймав мой взгляд.

— Пока не прочитаю, ничего подписывать не буду, — предупредила я.

— Разумеется, — деловито закивал Фокс. Но в его голосе мне почудилась доля облегчения.

Впрочем, задуматься, что бы это значило, мне не позволили.

— Ваша двоюродная бабка по материнской линии завещала вам следующее имущество, — быстро затараторил рыжий. — Особняк «Врата» и прилегающий участок...

— Это у нас в городе, что ли? — опешив, переспросила я.

Работая в архиве, я не раз сталкивалась с манерой местных жителей давать домам имена вместо номеров. Конечно, в наше время это превратилось в милую причуду, но документы прошлого века пестрели разнообразными «Обителями», «Звездами» и «Сердцами». Больше всего почему-то было именно «Сердец». Порой мне приходилось перелопатить горы пыльных бумажек, прежде чем я хоть примерно могла понять, о каком доме

вообще идет речь. Но вот «Ворота» до сих пор не попались.

— Да, конечно, — невнимательно отмахнулся от моего вопроса Фокс, сосредоточенно разыскивая что-то в бумагах. — Это там, где Ореховая горка. Старое кладбище знаете? Ну вот.

Орешку, торчащую почти в центре города, я знала. Как и заброшенное кладбище у ее подножия. Там давно никого не хоронили, но вездесущие строители высоток, как ни странно, так и не сумели справиться с табличкой «Исторический памятник. Охраняется государством». И заросшая орешником горка вместе с покосившимися крестами и полуразвалившейся церквушкой выглядела так же, как и на фотографиях прошлого века.

Бывала я там редко, а потому навскидку сообразить, какой из окрестных домов прочат мне в собственность, не смогла. Но уже само понятие «особняк» вселяло оптимизм: больше никаких очередей к умывальнику по утрам, исчезающих из холодильника продуктов и графика посещений в туалете. Где-то на задворках сознания здравый смысл нашептывал, что мне так не повезет ни за что на свете и особняк вполне может оказаться непригодными для жизни развалинами или вообще хитрым разводом. Но кто думает о здравом смысле, когда буквально на глазах сбывается мечта?

Фокс наконец нашел нужный документ. Им оказался длинный свиток плотного желтоватого пергамента. Брови сами собой полезли на лоб: как архивный работник ошибиться в материале я не могла. Но само присутствие подобного предмета в обычной современной нотариальной конторе выглядело несколько неуместно. Ну хорошо, согласна. Контора была не совсем современной и уж точно необычной. Но даже для таких условий шершавый пергамент с длинным списком имен и бурыми пятнами напротив каждого из них — это было слишком. Розовые мечты о личной ванной быстро выветри-

лись из головы, сменившись мыслями о нелепых телевизионных программах с розыгрышами легковверных граждан. Я поднялась.

— Хорошо. Я поняла. Где тут у вас камеры?

— Камеры? — Фокс оторвался от свитка и непонимающе уставился на меня. — Вообще-то внизу, в подвалах. А что?

— Очень хорошо, — кивнула я. — Туда я не пойду.

— Так вас и не приглашают... — еще больше удивился рыжий.

— Ну сюда же пригласили, — зло фыркнула я. — И кому я этим обязана?

— Я же вам уже объяснял, — терпеливо, как маленькому ребенку, начал говорить Фокс. — Ваша двоюродная бабка по материнской линии завещала...

— Да нет у меня никакой бабки! — окончательно обозлилась я.

— Так, подождите, — насторожился рыжий. — Вы Секлетинья Ивановна?

— Да. И что это меняет?! Если у меня дурацкое имя, то я идеальный кандидат на роль клоуна в какой-нибудь идиотской постановке?!

— Вы, должно быть, не поняли меня, — порозовел Фокс. — Подбором актеров для театра мы не занимаемся. Я, конечно, могу порекомендовать вам...

— Да вы что, издеваетесь?! — взорвалась я. Расставаться с розовой мечтой было очень неприятно.

— Но, Секле...

— Достаточно.

Я повернула голову и увидела ряд матовых пуговиц на расстоянии двадцати сантиметров от своего носа. Хозяин этой съемочной площадки почтил нас своим вниманием. Пришлось потратить какое-то время, медленно скользя взглядом по широкой груди, темному галстуку, булавке с каким-то драгоценным камнем, обвитой венами мощной шее... Тогда, когда уже казалось, что задрать

голову еще выше я просто физически не в состоянии, мне наконец удалось посмотреть новому актеру этого театра абсурда в глаза.

— Два серых камешка. Вот и все, что я увидела. Даже у мраморной статуи во взгляде было бы побольше эмоций.

— Секлетинья Ивановна, вас никто не разыгрывает, — властно заявил он. — Вы являетесь наследницей особняка «Врата» и прилегающих территорий. Вы принимаете наследство?

— Ну... Если это правда дом... И без долгов... — разом растеряла весь боевой настрой я.

— Никаких долгов! Отличный особняк, — засуетился Фокс.

Но я его почти не слышала, как кролик на удава глядя на хозяина кабинета, который даже представиться не потрудился.

— Ну, если так... Тогда, наверное... Да... Принимаю...

— Вот и отлично! — встрепенулся Фокс, и в следующую секунду я увидела удаляющуюся спину седого великана. — Вот здесь капельку крови... Специфика такая, с тех пор как Врата существуют. Инструмент одноразовый, не беспокойтесь. И все формальности закончены.

— Мракобесие какое, — проворчала я, наблюдая, как он выдавливает из моего пальца алую каплю. Кровь упала на старинный пергамент, и у меня в глазах на мгновение помутилось. Я сморгнула, уже чувствуя, что вокруг что-то неуловимо изменилось, но еще не понимая, что именно. Заметила только, что странный документ со стола исчез.

Впрочем, задуматься об этом мне не позволили. Да я и сама не очень стремилась. Внутренне я готовилась противостоять этим странным юристам, когда мне начнут совать в руки ручку. «Самое главное ничего не подписывать, пока не увижу, что мне там завещали», — как мантру, мысленно твердила я.

Результат такого однобокого отношения не заставил себя ждать. Я опомнилась, когда передо мной распахнулась дверца машины, приглашая выходить. И то мозг заработал лишь потому, что из салона открывался чудный вид на то самое заброшенное кладбище. Рыжий Фокс со слащавой улыбочкой склонился, подавая мне руку:

— Прибыли, Секлетинья Ивановна.

Я неохотно выбралась из ставшего вдруг безумно уютным салона и огляделась. Ничего хотя бы отдаленно напоминающего обещанный особняк в обозримом пространстве не наблюдалось. Не считать же за таковой видневшийся за кованой решеткой покосившийся склеп.

Рядом уже озирался Бер, а с другой стороны с водительского места выскользнул хозяин нотариальной конторы, чье имя мне так и не сказали. Сейчас они оба меньше всего походили на радушных хозяев. Хищники перед броском. В крайнем случае секьюрити из какого-нибудь блокбастера. Но уж никак не адвокаты, привыкшие все споры решать словами. Только Фокс продолжал лучиться услужливостью.

— Добро пожаловать домой. — Подхватив меня под локоть, рыжий с видом радушного хозяина обвел рукой печальный пейзаж. — Вот ваше царство.

— Вы шутите, я надеюсь, — прошипела я, покосившись на кладбище.

— Ничуть, — сверкнул в улыбке белоснежными зубами Фокс. — Входите и все поймете. А что не поймете — я с удовольствием объясню. Если вы позволите мне войти.

Переваривая двусмысленные фразочки, я поглядывала на улыбающегося мужчину и пыталась понять, что же мне не нравится. Он обернулся, настойчиво подталкивая меня к некогда красивым, а теперь ржавым воротам:

— Ну что же вы, Секлетинья Ивановна?

Солнечный зайчик скользнул по приторной улыбке, и тогда я сообразила: зубы! У рыжего были мелкие, острые, совсем не человеческие зубы с выдающимися клыками. Запоздало удивившись, как умудрилась не заметить этого раньше, я уже открыла рот, чтобы завизжать, и тут... Тут события завертелись с такой скоростью, что орать мне стало некогда.

Громко хрустнула какая-то ветка в кустах за машиной.

— Лис, шевелись! — вполголоса рыкнул седой, пригибаясь.

Улыбка мгновенно слетела с лица рыжего, сменившись звериным оскалом. Он схватил меня за руку и, не заботясь о такой мелочи, как вежливость, потащил к ржавым воротам.

Я попыталась вырваться, но куда там... Такое ощущение, будто предплечье зажали в тиски, а тиски прикрутили к паровозу: или быстро, очень-очень быстро перебираешь ногами, или собираешь мордой все окрестные кочки. Оставив бесплодные попытки высвободиться, я обернулась, чтобы позвать на помощь. Но крик застрял в глотке.

У машины разгорелась настоящая битва. Седой и Бер, прикрывая друг друга, отбивались от десятка нападавших самой разнообразной наружности. Тут были байкеры в кожаных куртках с цепями в руках, оборванцы, сильно смахивавшие на бомжей, и высокая бледная девица, словно сошедшая с обложки журнала. Впечатление не портила даже бейсбольная бита, с которой она обращалась очень умело: на моих глазах огромная ручища Бера с гадким хрустом повисла плетью. Впрочем, уже в следующую секунду он вырвал деревяшку из тонких наманикюренных пальцев и с треском сломал о чью-то голову.

— Быстрее, — подгонял Фокс, тоже оглядываясь через плечо. — Положите руку на ворота! Они вас пропус-

тят! Ни в коем случае не выходите, пока мы не вернемся!
И никого не приглашайте внутрь!

Он буквально швырнул меня на ворота. Чтобы не впечататься лицом в ржавые завитушки, я рефлекторно выставила вперед ладони. Но под пальцами не оказалось даже намека на преграду. Что-то сверкнуло, едва не ослепив меня, и я с запоздалым визгом кувырком полетела куда-то вперед.

ГЛАВА 2

Слишком мертвый и слишком живой

Кое-как поднявшись на четвереньки, я первым делом закрутила головой. Слава всем богам, меня не преследовали. Ворота, в которые я только что влетела, были закрыты, и сквозь кованую решетку не проникал ни один звук. Впрочем, через нее вообще ничего не проникало, за створками клубился плотный непроницаемый туман. Нервно икнув, я выпрямилась и, поминутно оглядываясь, пошла вперед по усыпанной сухими ветками и листьями дорожке. Разумеется, ни к чему хорошему это не привело: запнувшись в какой-то выщербине, я снова растянулась во весь рост. А когда отплевалась от песка, наконец увидела его...

Ну что ж... Особняк существовал не только в воображении драчливых юристов. Однако, стоя на тропинке между двумя склепами и машинально отряхивая джинсы от налипших прошлогодних листьев, радоваться этому у меня пока не получалось. Я вообще не могла решить, что же мне такое досталось в наследство: подарок судьбы или основательно подгнивший плод фигового дерева.

В доме, сложенном из массивных, почти черных каменных блоков, было три этажа. Высокие стрельчатые

окна упорно навевали мысли о средневековых замках и бойницах. Зато длинные шпили и загнутые края крыши словно сошли с китайских гравюр. Несколько метров пространства под темными стенами занимал чахлый газон, окруженный низким заборчиком, который даже я с моим невеликим ростом спокойно могла бы переступить. Калитка была гостеприимно приоткрыта, а рядом на витом столбике висела покосившаяся вывеска. Облупившаяся краска и толстый слой пыли делали ее совершенно бесполезной.

Проскользнув сквозь калитку, я поднялась по каменным ступеням к входу в особняк. «Дуб, не иначе, — с невольным уважением подумала я, всем телом повиснув на позеленевшей от времени медной ручке. — Мореный какой-нибудь...»

Тяжелая створка поддавалась нехотя, но мне все-таки удалось ее немного сдвинуть. Порадовавшись, что никогда не отличалась крупным телосложением, а о груди и вовсе только мечтала, я протиснулась в образовавшуюся щель и оказалась в огромном гулком холле. Дверь моментально захлопнулась за моей спиной, но я этого не заметила, разинув рот разглядывая убранство.

Честно говоря, я так ошалела, что осознать сразу всю картину была попросту не способна. Взгляд выхватывал отдельные детали, мозг их отмечал, но и только. Прямо у входа начиналась длинная мраморная стойка. За ней высились шкафы с множеством узких картотечных ящичков. По углам торчали старинные доспехи в два моих роста. В простенках висели даже на вид пыльные портьеры, а потолок терялся где-то в полумраке. Чуть дальше широкая лестница, на месте которой современный архитектор выстроил бы целый дом, уводила куда-то на второй этаж. И все это великолепие освещалось десятком свечей в замысловатом канделябре из черного серебра.

«Мне достался в наследство музей? — сорвался с губ нервный смешок. — Или я просто адресом ошиблась?» По углам зашелестело эхо, и сразу стало как-то неуютно. В тот момент я почти хотела, чтобы где-нибудь наверху лестницы появилась строгая бабулька с высокой халой на макушке и заявила, что музей закрыт. Или вообще отругала бы меня... Но лестница оставалась пустой.

— Есть кто живой? — вполголоса позвала я.

— А вам именно живой нужен? — прозвучал в ответ приятный бархатистый голос, и раздались цокающие шаги.

Мистическая атмосфера мгновенно рассеялась без следа, и я рассмеялась от облегчения. «Надо же, до чего меня, оказывается, легко напугать, — мелькнула в голове веселая мысль. — Впихнуть на старое кладбище, и вот уже...»

— Скелеты мерещатся!

Мысль превратилась в дикий визг: из-за дальних доспехов вышел самый настоящий скелет, а цокали по мраморному полу не каблук смотрительницы, как я вообразила, а костяные пятки.

Сама не заметив как, я оказалась у двери и замолотила в нее кулаками:

— Люди! Помогите!

— Вам только люди подходят?

— Что? — опешила я, оглядываясь через плечо в безумной надежде, что монстр мне только померещился. Какое там?! Чистенький, какой-то ухоженный скелет стоял посреди холла, нервно постукивая ногой, и пялил на меня пустыми глазницами.

«Вот бы сейчас в обморок упасть... — тоскливо подумала я, прижимаясь спиной к упрямой створке.

— Люди, говорю, обязательно нужны? — повторил бархатный баритон. — Их тут давненько не было.

— А кто был? — пискнула я, не отводя взгляда от монстра в нескольких метрах перед собой.

— Кого тут только не было, — раздался какой-то мурлыкающий смешок прямо рядом со мной, и я в панике шарахнулась в сторону. — Да что ж вы такая нервная, девушка?

С хрустом врезавшись лопатками в мраморную стойку, я заморгала и уставилась на нового собеседника.

— Ну... разве я такой страшный? — показал в подобии улыбки острые клыки крупный рыжий кот, и я наконец-то рухнула в спасительный для разума обморок.

Сознание возвращалось медленно и неохотно. Сначала я почувствовала, что лежу. Потом осознала, что подо мной что-то мягкое, а на лицо льется вода. И только долгие секунды спустя с визгом подскочила, пытаюсь одновременно и увернуться от ледяной струи, и стереть то, что на меня уже вылилось.

— Не любишь воду? — В поле зрения появилась рыжая усатая морда. — Понимаю. Сам все эти купания терпеть не могу. Но что поделать? Иногда по-другому никак. Вот я даром что бессмертный, а блохи меня, как любого дворового крысолова, кусают. Только ванна с шампунем и помогает.

— Где я? — жалобно пискнула я.

— Дома, — оскалился кот, и у меня в глазах опять помутилось. — Эй! Не смей снова отрубаться!

Новая порция ледяной воды пресекла попытку отключиться на корню. Пришлось признать, что скоропостижное помешательство — это всего лишь мечты, а болтливый кот — суровая объективная реальность, и снова открыть глаза. В памяти всплыли нечеловеческие зубы прилизанного Фокса.

— А те... адвокаты, которые меня сюда привезли... Они тоже коты? — спросила я. Звуки собственного голоса немного успокаивали. Хотя бред, произнесенный вслух, казался еще бредовее.

— Обратни, что ли? — Котище запрыгнул на кровать, где я лежала, брезгливо потряс лапой и, выбрав место посуше, уселся напротив. — Вроде была у них премиленькая киса... Девушку видела? Черненькую такую, с белыми полосочками над ушками?

— Нет, там одни мужики крутились, — покачала головой я.

Страшно хотелось выбраться из неприятной прохлады мокрых простыней. Да и кот, ведущий светскую беседу, не внушал спокойствия. Но я боялась обернуться и снова увидеть проклятый скелет, а потому лежала смирно. Кот, даже болтливый, все же казался предпочтительнее для моих и без того перегруженных сверхъестественным мозгом.

— Тогда не знаю. Мне же не сообщили, что тебя сегодня привезут. Хотя Серый мог бы и озаботиться. Но нет, дождешься от них, как же... Никакого уважения.

Котyra театрально вздохнул и принялся вылизывать лапу.

— Слушай, а ты мне точно не мерещишься? — с тайной надеждой уточнила я, осторожно садясь.

— Доказать?

— А как?

— Могу оцарапать. — Из лапы, секунду назад невинной и мягкой, выдвинулись четыре немаленьких когтя, едва не сверкнувшие в неверном свете свечей. — Или укусить.

— Пожалуй, не стоит, — невольно отодвинулась я.

Тут сработало мое пресловутое «везение». Сдвинувшись в сторону, я угодила задом в самое промокшее место на постели. Если прилипшие к шее мокрые волосы я еще терпела, то мокрые трусы стерпеть не смогла и резво выскочила из кровати.

Разумеется, босые пятки тут же заскользили на отполированных влажных половицах. Взвизгнув, я покачнулась и едва не рухнула на пол. Едва, потому что мою не-

уклюжую тушку с характерным пощелкиванием подхватили нежные костлявые руки и аккуратно поставили обратно на ноги.

— Спасибо, — ляпнула я прежде, чем успела сообразить, что, собственно, произошло.

— Вот и правильно, — одобрительно промурчал кот, пока я хлопала глазами, решая, что делать в первую очередь: визжать, бежать или падать в обморок. — А то визги, пiski... Прямо истеричка какая-то, а не госпожа Потусторонья.

— Госпожа чего?

— По-ту-сто-ронь-я, дубина, — по складам повторил котяра таким тоном, что падать в обморок мне сразу расхотелось. Зато возникло труднопреодолимое желание прихватить нахала за рыжий загривок и хорошенько встряхнуть.

— Ты выражения-то выбирай, скотина рыжая, — обозлилась я.

— А ты мозги включи, тогда и я для тебя другие эпитеты подбирать буду. Прав был Серый, чучело ты, как есть чучело.

— Ну это уже ни в какие ворота! — Я уперла кулаки в бока. — Ты уж реши, кто я: дубина и чучело или госпожа чего-то там?

— Так это не мне решать, — ехидно оскалился котяра.

— А кому?!

— Тебе, милая, — пропел он и грациозным движением соскользнул с кровати.

Мягко переступая мощными лапами, он мимоходом потерял об мои ноги, едва не усадив меня при этом обратно в мокрые простыни, и, толкнув лобастой головой дверь, вышел вон.

Я плюнула ему вслед и покосилась на скелет, замерший за спиной.

— А ты? Ничего не хочешь сказать? Не стесняйся, выскажись, что молчишь-то? Может, я слишком разго-

ворчивая? Или на мне мяса слишком много для госпожи посторонья?!

— Потусторонья, дубина, — донеслось из-за двери. — По-ту-сто-ронь-я! Неужели так трудно запомнить? Мало того что истеричка, так еще и склерозная тупица!

— Почему это я — тупица?! — Я даже ногой притопнула от злости на наглое болтливое животное.

— Заметь, с тем, что «склерозная», ты не споришь... — фыркнул кот, высунувшись из-за двери. — А тупица потому, что умная давно бы сообразила, почему скелет молчит!

— И почему же?

— И ты еще спрашиваешь, почему «тупица»? — ухмыльнулся рыжий гад и, увернувшись от мокрой подушки, снова исчез.

— А ты мог бы не выкаблучиваться и просто ответить?!

Ответа я не дождалась. Обернулась было спросить у скелета, но вовремя спохватилась и прикусила язык. Впрочем, перепалка с котом имела и положительные последствия. Ругаясь с ним, я напрочь забыла о дикости ситуации, в которую угодила. А когда кот ушел, истерить уже не хотелось. Да и скелет, торчавший в углу, стал чем-то привычным и даже вызывал некую симпатию: он, по крайней мере, не хамил.

— Ну ладно... Ладно же... — Я погрозила кулаком двери и присела на край кровати, предусмотрительно выбрав сторону, где топтался кот.

Я подтянула поближе кроссовки, которые кто-то с меня снял и аккуратно поставил на половичок. Хотя почему кто-то? Ясно кто. Вот он, в углу стоит, набор костей заботливый.

— А носки куда дел? — спросила я, не надеясь в общем-то на ответ.

Ответа я и не получила. Зато скелет шустро метнулся в другой угол комнаты и с поклоном подал мне на сереб-

ряном подносе мои не первой свежести носочки. «Ну скелет, ну и что? — мысленно уговаривала я себя, забирая свою собственность. — Не кусается, не рычит... И даже не воняет... Тьфу ты... Что за дурь в голову лезет?!»

В обуви я сразу почувствовала себя увереннее. Первое желание — бежать отсюда куда глаза глядят — отступило на второй план, уступив первенство моему вездесущему любопытству. «Ничего плохого не случится, если, прежде чем удрать и выбросить эту идиотскую историю из головы, я немного осмотрюсь!» — решила я. Слабый голосок чувства самосохранения, напоминавший, что именно с таких слов обычно начиналось большинство моих неприятностей, заглох сам собой.

— Итак, — заговорила я, расхаживая из угла в угол. — Вариант, что со мной сыграли дорогостоящую шутку, отмечаем сразу. Сколько бы денег ни влили в свое шоу телевизионщики, говорящий кот им не по силам. Как и ты. — Я покосилась на скелет, вернувшийся в облюбованный угол. — Второй вариант: Секлетинья Маравой скоропостижно сошла с ума и смотрит дикие мультики, а ее тушка валяется где-нибудь в комнате с мягкими стенами. Это мне тоже не нравится. Лучше буду ловить глюки я, чем санитары будут ловить меня. Тем более что моим глюкам я же и хозяйка. Как там кот говорил? Госпожа чего-то там.

— Потусторонья, дубина! — В дверь снова сунулась рыжая морда. — Боги, за что вы послали нам это создание?!

— Подслушивать?! — вскочила я и бросилась к двери. — Ну, все! Глюк или нет, а лететь тебе сейчас во двор мышей ловить.

— Ты сначала меня поймай, чучело! — донеслось уже из-за поворота коридора.

Глухо выругавшись, я побежала туда: чертов кот таки сумел меня достать! Надо ли говорить, что рыжую ско-

тину я так и не поймала? Зато обегала весь дом, собрала головой большую часть паутины на чердаке, расквасила нос о не вовремя подвернувшиеся доспехи, получила по многострадальной головушке толстым «Толкователем сновидений» в библиотеке, пересчитала задницей все ступеньки на лестнице с третьего на второй этаж и чуть не ухнула в миниатюрный бассейн в подвале. Хотя «чуть» в последнем случае вовсе не моя заслуга. Если бы не вездесущий скелет, вовремя схвативший меня за шиворот... В общем, к набору костей я прониклась искренней симпатией. Чего не скажешь о болтливом представителе семейства кошачьих. Эта рыжая пакость умудрялась всегда оставаться на десять сантиметров дальше от того места, куда я могла бы дотянуться, и не уставала отпускать ехидные комментарии на каждое мое действие.

В конце концов я выдохлась и буквально рухнула в кресло в какой-то комнате. Рядом тут же нарисовался скелет и с поклоном подал стакан воды на уже знакомом подносе. Благодарно кивнув, я присосалась к хрустальному бокалу, как выходец из пустыни.

— Ну, вроде все... — раздался ненавистный кошачий мырк у меня над ухом. — Если бы мне кто-то сказал, что будет так сложно, когда я соглашался на эту работу... Хотя о чем это я? Кто там моим согласием интересовался? Подписали на каторгу... Мр-э-эх...

Вода полилась не в то горло, и я с выпученными глазами закашлялась. Скелет заботливо постучал мне промеж лопаток, отчего у меня вообще пропала способность дышать.

— Ты о чем, скотина?! — прохрипела я, кое-как отплевавшись.

— О ритуале принятия, разумеется, — снисходительно фыркнул кот с высокой каминной полки и выставил вперед переднюю лапу, словно любуясь. — Дом ты обошла от чердака до подвалов, — он выщелкнул один острый коготь, — кровушкой своей его напоила, — вто-

рой коготь сверкнул рядом с первым, — и, наконец, пищу из рук Потусторонья приняла и вкусила. — Он посмотрел на меня сквозь решетку из трех когтей и смачно зевнул. — С прибытием, госпожа Потусторонья! Рады вас видеть, счастливого бессмертия... Что там еще положено говорить в таких случаях? В общем, переодевайся и за работу — клиенты заждались. А я посплю.

— Чего? — кое-как выдавила из себя я, позабыв про диванный валик, который схватила, чтобы сшибить нахала с его насеста.

Рыжий приоткрыл один глаз:

— Работать пора, говорю.

Я плюхнулась обратно в кресло, не понимая, как реагировать на подобное заявление.

— Котьяра, а ты не обалдел ли? Я сейчас развернусь и уйду. И...

— Попробуй, — фыркнул тот и, свернувшись клубком, накрыл морду лапой.

— И попробую!

Я вскочила и, нарочито громко бухая ногами, вышла из комнаты. Немного поплутав по коридорам, я выбралась в знакомый холл, через который за последние два часа успела пробежать раз двадцать. Кое-где на глаза попадались капли моей собственной крови... и к двери я уже почти бежала. Впрочем, на этот раз створка открылась беспрекословно, что несколько примирило меня с действительностью.

— Работать пора... — злобно бормотала я себе под нос, шагая по засыпанной прошлогодними листьями тропинке к воротам. — Ща-а-аз... Вот узнаю, где тут метлы выдают, и начну. Скотина рыжая!

Ворот не было. Только кованый забор и непроницаемый туман за ним. Поначалу я не слишком обеспокоилась, решив, что попросту свернула не в том месте, и пошла вдоль решетки по едва заметной тропке. Но забор тянулся и тянулся, а высокие столбы не показывались.

Минут через десять я забеспокоилась, через двадцать побежала бегом, а через полчаса уже неслась галопом. Ворот не было. В какой-то момент я поняла, что уже в который раз пробегаю мимо приметного склепа из красного мрамора, и остановилась как вкопанная. Ворота, в которые меня всего несколько часов назад зашвырнул мерзавец по имени Фокс, исчезли.

С трудом подавив приступ паники вкупе с подступающей истерикой, я сжала кулаки и развернулась обратно к видневшемуся за покосившимися надгробиями и чахлыми деревьями особняку. Мне нужны были доказательства, что я не свихнулась. Впрочем, даже если и так, то я желала это знать наверняка. А глюки тут резвятся или меня действительно угораздило провалиться в какой-то иной мир, как героиню фэнтезийного романа, уже не играло особой роли. И раз уж никаких собеседников, кроме наглого кота, в обозримом пространстве не наблюдалось, то придется вытряхнуть ответы из этой рыжей шкуры. Если понадобится, то вместе с хозяином. В конце концов, я не такая уж нежная незабудка, какой выгляжу: в детских домах цветочки если и появляются, то быстро мутируют во что-то колюче-ядовитое. Самое время вспомнить былые навыки.

— Держись за шубу, скотище, — прошипела я, буквально взлетая на истертые ступени высокого крыльца.

ГЛАВА 3

Работа, работа, перейди на Федота

Я шла, желая вытряхнуть наглого кота из его шубы вместе с так необходимой мне информацией. А выяснилось, что то же самое планировалось в отношении меня. Прямо в холле я столкнулась со скелетом. Изогнувшись в подобии поклона, тот держал на руках темный бесформенный балахон и настойчиво совал мне его под нос.

— Отстань, — отмахнулась я, оглядываясь в поисках кота.

Судя по тому, что ответом мне послужило только тихое пощелкивание костяной челюсти, котяры в прихожей не было.

— Да что это за дом такой?! — в сердцах проворчала я, потопав в сторону гостиной.

Кот нашелся там же, где я его оставила, — на каминной полке.

— Убедилась? — лениво приоткрыв один глаз, муркнул он.

— Я — пленница? — зло прищурилась я, стараясь подавить предательскую дрожь в голосе.

— Ты — госпожа, — потянулся кот. — Я же тебе это уже говорил. Ах да... Твой прогрессирующий склероз я не учел. Повторить приветственную речь? Я могу, но ты лучше запиши. Я не попугай по сто раз одно и то же талдычить.

— Не попугай, — согласилась я. — Попугаи такими наглыми не бывают.

— А коты бывают? — вдруг заинтересовался рыжий.

— Не знаю, но уже начинаю в этом сомневаться. Может, ты не кот, а какой-нибудь неудачный эксперимент секретной лаборатории?

— Это почему еще неудачный?! — возмутился котяра. — Да любой экспериментатор должен быть в восторге, сотворив такое чудо, как я.

— Не-а, не катит, — хмыкнула я. — Ни одному даже самому чокнутому экспериментатору не придет в голову создать такое чу-у-удовище, как ты. Такое наглое, болтливое...

— Точно! — перебил рыжий и возбужденно вскочил, едва не свалившись с каминной полки. — Я всегда подозревал, что я нечто большее! Да и кому под силу сотворить такое совершенство? Я не эксперимент! Я — венец творения!

Тут я наконец не выдержала и расхохоталась.

«Венец творения» обернулся, удивленно прижав уши:

— Ты чего?

— Да так... — ухмыльнулась я, вспомнив, зачем, собственно, сюда явилась.

— Смех без причины — признак сама знаешь чего, — оскорбленно тряхнул хвостом кот.

— Тебя как зовут хоть, венец творения?

— Можешь называть меня господин Совершенство, — задрал нос рыжий.

— Васька его зовут! — раздался вдруг надтреснутый, хриплый голос у меня за спиной. — Так и знала, что ничего этому балбесу поручить нельзя!

Котяра зашипел и, вздыбив шерсть, устался куда-то мне за спину. Я обернулась, ожидая увидеть вдруг разговорившегося скелета. Но с некоторых пор мои ожидания резко расходились с действительностью: в полуметре от пола парила полупрозрачная женщина в длинном платье. Сквозь нее были прекрасно видны портьеры и какая-то картина в простенке, и в то же время не составляло труда рассмотреть недовольно поджатые губы, чопорный пучок на макушке и наглухо застегнутый высокий воротничок. А самое страшное — я знала ее... Именно она дважды появлялась в детском доме, представившись моей двоюродной то ли теткой, то ли бабкой.

— Паршивая из тебя, Секлетинья, наследница получается. Уже час, как Врата госпожу признали, а тут как был бардак, так и остался, — между тем сердито проскрипела старуха, брезгливым взглядом смерив меня от отвисшей челюсти до замызганных во время пробежки по кладбищенскому парку кроссовок. — Значит, так... Для начала переоденься. Ты выглядишь, как дешевая...

И тут ко мне вернулся дар речи, и я завизжала так, что зазвенели стекла. И злости в этом визге было куда

больше, чем страха. Оставили наследство, мать вашу: вместо газона — кладбище, за экскурсовода — хамоватый кот, в роли дворецкого — обглоданный труп... Теперь еще и ворчливое привидение в качестве дуэньи?! Нет уж!

— Сгинь! — рявкнула я, как только смогла выдать нечто членораздельное. — Сгинь, нечистая сила! Пропади!

Даже перекрестила чертову галлюцинацию для надежности. С безумным воем, от которого раскололся хрустальный бокал на столе, привидение лопнуло ошметками грязно-серого тумана. А когда затихло эхо, рассеялись и они. Шумно выдохнув, я расправила плечи: оказывается, и на бредовых обитателей этого безумного дома можно найти управу!

Поделиться успехом было не с кем, и я бросила победоносный взгляд на кота: мол, знай наших. Котьяра разделять мой триумф не спешил:

— Мр-р-да... Склерозная истеричка с маниакальными склонностями... Ты почто бабку свою упокоила, живодерка?!

— К-какую еще бабку?! — опешила я.

Кот зашипел и совсем по-человечески хлопнул себя лапой по лбу.

— Да за что ж нас Последняя Гостья так не любит? За что нам, горемыкам, эту убивицу послала? За что...

— Хорош причитать! — буркнула я, уже понимая, что вытворила что-то совсем не то. — Лучше объясни нормально, что тут происходит, пока я еще какого-нибудь новоявленного родственника не упокоила. Ты мне, кстати, не родственник?

— Еще чего не хватало! — вполне достоверно открестился рыжий. Даже уши прижал в притворном ужасе. — Спаси Последняя от таких родственничков!

— Тогда ближе к делу, черти тебя разде...

— Замолчи! — взвыл котьяра, не давая мне договорить, и испуганно огляделся.

Заразившись его паникой, я примолкла, не рискуя ляпнуть еще что-то «упокойное», и демонстративно нахмурилась.

— Фух... За языком-то следи! Ты же здесь госпожа. Что велишь, то и случится.

— Тогда говори, — буркнула я, как никогда осознавая старую истину, что краткость не только сестра таланта, но и залог понимания.

— Пошли, — вздохнул Васька, прыгивая на пол.

Я не стала спорить и вышла за нахалом в коридор.

— Ты здесь госпожа и хозяйка, — повторил кот, сворачивая к лестнице в подвал. Он даже обернулся, словно желая убедиться, что я его внимательно слушаю.

— И?

— Что «и»?! Хозяйка, значит, твоя воля во всем. Врата тебе всеилие дают. Понятно?

— Хороша всеиственная хозяйка, которая даже выход найти не может, — невольно усмехнулась я.

— Это пока, — отмахнулся Васька, нетерпеливо дернув хвостом. — Пока Врата с тобой знакомятся. Потом можешь идти куда хочешь.

— Вот радости-то будет.

— А уж я-то как обрадовался бы! — фыркнул кот. — Только не уйдешь ты никуда. Кошмар... Поверить не могу, я стараюсь, чтобы тут осталась подобная тупица. Что я вот этими вот лапами...

— Ты лучше языком постарайся, — подсказала я. — Судя по тому, что оставаться меня пока не тянет, лапами у тебя не получается.

— Язва...

— С кем поведешься, — пожал плечами я. — Ты ближе к делу, Василий.

— У тебя и со зрением проблемы? Куда уж ближе? Пришли.

За перепалкой с наглым животным я и не заметила, как вновь оказалась в подвале. В том самом подвале, где

несколько часов назад чуть не свалилась в бассейн с мутноватой зеленой водой. Только теперь тут все выглядело по-другому.

— Вот твоя работа, — мотнул подбородком кот.

Но я и без его напоминаний пристально разглядывала преобразившееся подземелье. Его большую часть занимал причудливый бассейн с матовой светящейся жидкостью. А может, и не жидкостью вовсе: толстые витые веревки из той же субстанции уходили куда-то под неожиданно высокие своды и тонули в зеленоватом полумраке. Движимая каким-то болезненным любопытством, я подошла и провела ладонью по ближайшим ко мне струнам. Слово всплыло в мыслях само собой: кот в кои-то веки заткнулся. Воздух загудел на разные голоса, едва теплая упругая поверхность коснулась кожи. И было в этом странном звуке нечто безмерно чужое и одновременно родное. Словно со мной заговорил давно забытый, но когда-то очень дорогой человек, словно я вернулась домой из дальней поездки длиною в жизнь.

Не в силах насытиться этим чувством, я касалась то одной, то другой струны, наполняя подземный зал их гулким откликом. В какой-то момент я слишком сильно сжала струну, и она вдруг стала истончаться под моими пальцами, меняя тональность, но все так же лаская слух.

Наверное, я смогла бы провести в этом подземелье вечность и даже не заметить, как пролетело время, но кто бы мне позволил?! Резкая боль под коленом живо вернула меня на землю.

— Ай! За что?! — взвизгнула я, переводя ошарашенный взгляд со свежих прорех на штанине, сквозь которые виднелись сочащиеся кровью царапины, на кота, с демонстративной брезгливостью вылизывающего когтистую лапу.

— А тебе мало было бабку упокоить? Решила еще и какую-нибудь общину к ней присовокупить? — прошипел кот.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Добро пожаловать в...	7
<i>Глава 2.</i> Слишком мертвый и слишком живой	17
<i>Глава 3.</i> Работа, работа, перейди на Федота	27
<i>Глава 4.</i> «Все страньше и страньше»	38
<i>Глава 5.</i> Незваный гость	50
<i>Глава 6.</i> Основы котоведения	63
<i>Глава 7.</i> Себя показать, на других посмотреть	77
<i>Глава 8.</i> Ну и кто тут страшный зверь?	88
<i>Глава 9.</i> Нехватка нижнего белья и ее последствия	102
<i>Глава 10.</i> Сказки на любой вкус. Кроме моего	114
<i>Глава 11.</i> Оборотни, вампиры и прочие родственники	125
<i>Глава 12.</i> И еще родственники	137
<i>Глава 13.</i> Мне стали сниться вещи кошмары	147
<i>Глава 14.</i> Учиться, учиться и еще раз учиться	160
<i>Глава 15.</i> Дурдом и зоопарк в одном флаконе	175
<i>Глава 16.</i> Без вины виноватый	187
<i>Глава 17.</i> Решать — дело сложное	199
<i>Глава 18.</i> Рос	211
<i>Глава 19.</i> У паранойи и предусмотрительности одни симптомы	223
<i>Глава 20.</i> Нормальность в этом мире неуместна	234
<i>Глава 21.</i> Правильно	248
<i>Глава 22.</i> Кому должна, я всем прощаю	254
<i>Глава 23.</i> Если друг оказался вдруг...	267
<i>Эпилог</i>	278